

Елена
Арсеньева

Блистательные
изгнанницы

ИСТОРИЧЕСКИЕ
НОВЕЛЛЫ
ЛЮБВИ

Елена Арсеньева
Берег очарованный
(Елизавета Кузьмина-
Караваева, мать Мария)
Серия «Блистательные изгнанницы»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138389

Блистательные изгнанницы: Эксмо; Москва; 2005

ISBN 5-699-09962-X

Аннотация

Великая и прекрасная Россия, в которой эти женщины родились, осталась лишь в воспоминаниях и мечтах... В реальности же им, убежавшим от новых порядков страны, принять которые они не смогли, родиной стала чужбина. Но и там, где пришлось начинать все сначала, не имея ничего, кроме высоких титулов, эти изгнанницы оставались блистательными и неподражаемыми. Великая княгиня Мария Павловна – двоюродная сестра последнего российского императора Николая II, балерина Тамара Карсавина, героиня французского Сопротивления княгиня Вера Оболенская... Об их непростых судьбах и пойдет речь в книге исторических новелл Елены Арсеньевой...

Содержание

От автора	4
Берег очарованный	7
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Елена Арсеньева

Берег очарованный

Елизавета Кузьмина-

Караваева, мать Мария

От автора

Безумный, безрассудный ураган сметает все на своем пути, вырывая из земли и пышные садовые цветы, и скромные полевые цветочки, и влечет их неведомо куда, за горы, за моря, швыряет на убогую, чужую почву. И улетает дальше, оставив эти несчастные, истерзанные растения погибать. Но вот какому-то цветку удалось зацепиться корнем за землю-мачеху... а там, глядишь, приподнял голову и второй, да и третий затрепетал лепестками... Они ужасаются, они отчаиваются, они зовут смерть, потому что жизнь кажется им невыносимой. Однако они вырастают в чужбину, живут, живут... и сами дивятся: как же это возможно после того, что они испытали, что они потеряли?

У них больше нет ни дома, ни страны. У них все в прошлом. Вот уж воистину, совершенно как в модном романсе – все сметено могучим ураганом! Пора забыть прежние при-

вычки, громкие имена и титулы, вековую гордыню, которая уверяла их в том, что они – соль земли, смысл существования тех миллионов простолюдинов, которые вдруг обезумели – и вмиг превратили спокойное, процветающее государство, называемое Российской империей, в некое вместилище ужаса, боли и страданий. Здесь больше нет места прежним хозяевам жизни. Титулованные дамы, представительницы благороднейших родов Российской империи; знаменитые поэтессы; дети ведущих государственных деятелей; балерины, которых засыпали цветами, которым рукоплескали могущественные люди страны; любовницы именитых господ – они вдруг сделались изгнанницами. Блистательными, вернее сказать: некогда блистательными! – изгнанницами. И нет ни времени, ни смысла надеяться на чудо или ждать помощи от мужчин. Просто потому, что чудес не бывает, а мужчины... им тоже надобно бороться за жизнь.

В этой борьбе женщинам порою везло больше. Прежняя жизнь была изорвана в клочья, словно любимое старое платье, а все же надобно было перешить ее, перелицевать, подогнать по себе. Чисто женское дело! Некоторым это удавалось с блеском. Другим – похуже. Третьи искололи себе все пальцы этой роковой игрой, но так и не обрели успокоения и удачи.

Их имена были гордостью Российской империи. Их родовые восходили к незапамятным временам. В их жилах струилась голубая кровь, это была белая кость – благород-

ные, образованные, высокомерные красавицы. Они нищенствовали, продавали себя, работали до кровавого пота ради жалких грошей. Они ненавидели чужбину – и приспособлялись к ней. Они ненавидели покинутую родину – и боготворили ее. За нее они молились, на нее уповали... умирали и погибали с ее именем на устах.

Русские эмигрантки.

Блистательные изгнанницы.

Отвергнутые Россией...

Берег очарованный Елизавета Кузьмина- Караваева, мать Мария

Всередине лета 1942 года к русскому эмигранту Александру Угримову (он жил в провинциальном французском городке Дурдане и работал техническим директором на кооперативной мельнице) приехала посетительница, с которой он был связан общими делами. Чтобы добраться до квартиры Угримова, ей надо было войти в ворота и пройти весь двор. Угримов уже ждал ее и смотрел в окно, как она идет. У него мелькнула мысль: «Что-то подумают рабочие?!» – так необычен был ее облик.

Да, рабочие, грузившие на машины мешки с мукой, не могли удержаться, чтобы не проследить за ней взглядом. Монахиня! Это было «явление», которого они никогда не видели, что-то совсем особенное, ибо католические монахини разных орденов (монастырей) совершенно не похожи ни по одежде, ни по облику, ни по манере себя держать на православную монахиню вообще, а в особенности на такую, какой была эта. У нее было круглое приветливое лицо с очень темными глазами. Высокая, полноватая, сильная, она шла широким, стремительным шагом, прямо глядя перед собой через круглые очки в простой оправе – «нянькины очки», как

сказала потом жена Угримова.

Монахиня осталась у Угримовых обедать и уехала с вечерним поездом. От этой встречи у них осталось ощущение чего-то светлого, легкого, чувство полного взаимного доверия.

Мало сказать, что гостя была бодра и оживленна. Угримов запомнил ее улыбающейся, так сказать, духовно радующейся, как это может быть у человека, нашедшего настоящий путь в жизни.

На следующий день после разрядки на утренней смене в выбойном цехе, как обычно, рабочие обменивались новостями обо всех событиях, происходивших на мельнице, во Франции и во всем мире. На этих «летучих собраниях» обсуждались и проблемы войны, политики и прочего. Не обошлось без насмешливых замечаний в адрес вчерашней посетительницы. Угримов объяснил рабочим (с которыми был в очень хороших, простых отношениях), что это русская монахиня, но при этом заметил, что это объяснение никого не удовлетворило: очевидно, скептические французы имели уже свое мнение... Наконец старик Куапель, сплюнув табачную жвачку, заявил: «Говорите мне все, что хотите, но я никогда не поверю, что это – женщина: я хорошо видел большие мужские ботинки, высывавшиеся из-под сутаны». И в знак того, что он не дурак и не желает больше разговаривать на эту тему, упрямый старик закатал себе за щеку новую порцию самосада.

– Это – женщина, – усмехнулся Угримов. – Ее зовут мать Мария.

Больше он ничего не сказал. Не обмолвился ни словом, зачем к нему приезжала эта необычная женщина. А ей нужно было переговорить с Угримовым о доставке в больших размерах, чем раньше, продуктов для питания всех тех людей, о которых она заботилась и которых скрывала от преследования немцев.

* * *

В феврале 1908 года девушка в финской шапочке с опущенными ушами, сунув руки в карманы шубки и зябко ежась, бродила туда-сюда по Невскому проспекту, стараясь, впрочем, далеко не удаляться от дома 41 по улице Галерной. В этом доме ее интересовала квартира под номером четыре. Она уже побывала здесь дважды, но никак не могла застать дома того человека, которого так хотела увидеть. Наконец решила вернуться и ждать его прихода.

Прислуга провела ее в гостиную, но девушка – кстати, ее звали Лиза – любопытным и очень приметливым взглядом прошмыгнула по сторонам и успела разглядеть некоторые подробности квартиры, которые ее удивили. В кабинете вещей немного, порядок образцовый. На письменном столе почти ничего не стоит. В маленькой комнате почему-то огромный портрет Менделеева. Что он, химик, что ли? А как же

стихи?..

Девушке по имени Лиза было чуть больше пятнадцати лет, и она почти ничего не знала о человеке, к которому пришла. Например, она не знала, что Дмитрий Менделеев – отец его жены. Она знала только, что самого его зовут Александр Блок, что его стихи затуманили ей голову и он не просто взял в плен ее сердце, но полностью подчинил себе все ее существо. С этой иссушающей мукой, которую Лиза сразу, без колебаний, безошибочно назвала любовью, она не могла примириться. И вот – пришла признаться тому, кого любила с первой встречи, с первой минуты этой встречи.

А ведь любимый даже не подозревал о ее существовании. И она собиралась так много рассказать ему о себе...

Например, о том, что она родилась в Риге 8 декабря 1891 года. И день ее рождения чуть не стал днем смерти. Малышку удалось спасти, но ей сделали серьезную операцию. Через несколько дней, во время крещения, Лиза захлебнулась в купели, и ее второй раз вернули к жизни.

Впрочем, в Анапе, маленьком городке у Черного моря, она чувствовала себя великолепно. Но каждую зиму они всем семейством ездили в Петербург на один-два месяца гостить к бабушке, Елизавете Александровне Яфимович.

После вольной и простой жизни дома бабушкина квартира казалась чем-то совсем другим, сказочным миром. Она была огромная, в четырнадцать комнат, на Литейном проспекте, 57. На полу лежали ковры, не снимавшиеся восемна-

дцать лет. В гостиной мебель была резная, работы Лизерэ. В каждой комнате стояло несколько часов. Во время боя вся квартира наполнялась своеобразной музыкой: низкий и медленный гул столетних часов переливался и обгонялся серебристым звоном севрских, потом начинали бить часы с башенным боем, потом вообще нельзя уже было разобрать, сколько и какие часы бьют.

Сама бабушка была человеком, надолго пережившим свое время. Она часто говорила: «Люблю я вас всех, друзья мои, и все же вы мне чужие. Близкие все давно в могилах». Восемнадцати лет бабушка стала фрейлиной великой княгини Елены Павловны и любила рассказывать о том, как Николай II велел всем фрейлинам большого двора учиться у нее делать реверансы, приседая очень низко и не сгибая головы. Может быть, это звучит забавно, однако Лиза именно от бабушки от первой узнала основные принципы равенства и демократизма. Старая дама утверждала, что настоящий аристократ должен быть равен в отношениях со всеми. Только рагвенц, выскочка, будет делать разницу в своих отношениях между знатными и незнатными!

Среди ближайших друзей бабушки был Константин Петрович Победоносцев, обер-прокурор Синода. Он страстно любил детей. Вообще всяческих детей – знатных и незнатных, любых национальностей, мальчиков и девочек, – вне всяких отношений к их родителям. А дети платили ему настоящим обожанием. Лиза очень любила его и считала сво-

им самым настоящим другом.

Лиза ездила к нему в гости. Бабушка ее сопровождала, однако сама проводила время с женой Победоносцева, а Лиза пила чай с хозяином дома. Однажды он пригласил ее в свой деловой кабинет. Там было много народу. Огромная и толстая монашенка, архиерей, важные чиновники и генералы. Лиза не помнила, какие вопросы они ей задавали и что она отвечала, но все время у нее было сознание: она тут со своим ДРУГОМ, и все это понимают, и это вполне естественно, что уже немолодой Победоносцев – ее друг.

Когда Лиза приезжала в Петербург, бабушка в тот же день писала Победоносцеву: «Любезнейший Константин Петрович. Приехала Лизонька!» А на следующее утро он появлялся с книгами и игрушками, улыбался ласково, расспрашивал о ее делах, рассказывал о себе.

В минуты всяческих детских неприятностей и огорчений Лиза садилась писать Константину Петровичу, и ее письма к нему были самым искренним изложением детской философии. Победоносцев быстро и аккуратно отвечал. Лиза помнила, как знакомые удивлялись всегда: зачем нужна Победоносцеву эта переписка с маленькой девочкой? У Лизы на это был точный ответ: «Потому что мы друзья!»

Когда в 1905 году вспыхнула революция, Лиза восприняла ее как нечто, направленное против самого Победоносцева! И как ни странно, из всей семьи поначалу именно она наиболее нетерпимо отнеслась к революции.

К весне 1906 года началась реакция, Лиза не понимала, что происходит, и решила выяснить все свои сомнения у самого Победоносцева. С каким волнением она шла к нему!

– Константин Петрович, мне надо поговорить с вами серьезно, наедине.

Он не удивился, повел девочку в свой кабинет:

– В чем дело?

Как объяснить ему, в чем дело? Надо одним словом все сказать и в одном слове получить ответ на все. Лиза сидела против него в глубоком кресле. Он пристально и ласково смотрел на нее сквозь свои большие очки.

– Константин Петрович, что есть истина? – сформулировала наконец Лиза свой вопрос.

Победоносцев понял, что творится у нее в душе. Усмехнулся и ответил ровным голосом:

– Милый мой друг Лизонька! Истина в любви, конечно. Но многие думают, что истина в любви к дальнему. Любовь к дальнему – не любовь. Если бы каждый любил своего ближнего, настоящего ближнего, находящегося действительно около него, то любовь к дальнему не была бы нужна. Так и в делах: дальние и большие дела – не дела вовсе. А настоящие дела – ближние, малые, незаметные. Подвиг всегда незаметен. Подвиг не в позе, а в самопожертвовании, в скромности...

То, что он хотел сказать, Лизе было суждено понять гораздо позднее. Это была их последняя встреча.

Летом 1906 года в жизни Лизы произошло событие, после которого четырнадцатилетняя девочка мгновенно повзрослела. Умер ее отец, самый дорогой для нее человек на свете. И она подумала: «Эта смерть никому не нужна. Она несправедлива. Значит, нет справедливости. А если нет справедливости, то нет и справедливого Бога. Если же нет справедливого Бога, то, значит, и вообще Бога нет».

Осенью Лиза впервые уехала надолго от Черного моря, от солнца, ветра, свободы. Теперь семья жила в Петербурге, в небольшой квартире в Басковом переулке. Казалось, в этом городе вообще не бывает солнца! Лиза училась в гимназии, уроки начинались рано, при свете электрических фонарей, в котором снег и туман казались рыжими. Она боялась рыжего тумана и ненавидела его.

Петербург она тоже ненавидела. Ей было трудно заставить себя учиться. Душе хотелось восстановления справедливости, подвига, гибели за всю неправду мира, чтобы не было этого рыжего тумана и бессмыслицы.

Ей случалось встречаться с какими-то партийными студентами. Но они не жертвовали жизнью, а рассуждали о прибавочной стоимости, о капитале, об аграрном вопросе. Это сильно разочаровывало. Лиза не могла понять, отчего политическая экономия вещь более увлекательная, чем счета с базара, которые приносит ее матери кухарка Аннушка.

Лиза бродила часами по комнатам, учиться забывала, писала стихи... Места себе не находила! Смысла не было не

только в ее жизни – во всем мире безнадежно утрачивался смысл.

Родные решили выбить Лизу из колеи тоски. Двоюродная сестра повезла ее на литературный вечер в какое-то реальное училище. В рекреационном зале было много молодого народа. Поэты-декаденты читали стихи. Сергей Городецкий, Дмитрий Цензор, еще какие-то...

И вот появился – очень прямой, надменный, с медленным, усталым, металлическим голосом. У него были темно-медные волосы, лицо не современное, а похожее на портрет со средневекового надгробного памятника, будто из камня высеченное, красивое и неподвижное.

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух...

Таких стихов Лиза никогда не слышала. Такого человека она не видела никогда!

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне...

У него было такое далекое, безразличное, красивое лицо.

Он был не похож ни на кого на свете! Лиза ощущала в нем что-то небывалое, превосходящее все, что она знала. Отмеченное свыше...

И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль...

Он читал еще и другие стихи, кроме «Незнакомки»; в них Лиза услышала тоску, безнадежность, голоса страшного Петербурга, увидела волокна ненавистного рыжего тумана... Эти стихи почему-то существовали не вне Лизы – они пели в ней самой, были как бы ее стихи. Этот человек с надменным лицом владел тайной, около которой бродила Лиза, но проникнуть в которую не могла!

Она попросила двоюродную сестру:

– Посмотри в программе – кто это?

Сестра ответила:

– Александр Блок.

– Александр Блок, – шепотом, почти неслышно повторила

Лиза и увидела берег очарованный и очарованную даль...

Она раздобыла его книжку, выучила всю наизусть, и не просто так вызубрила, а сердцем впитала навсегда. И поняла, что должна непременно увидеться с ним, поговорить... сказать, что любит его!

Узнала адрес, где он живет: Галерная, 41, квартира 4. И

ВОТ ОНА ЗДЕСЬ...

* * *

Русская группа Сопротивления, в которую входил Угримов, помогала людям, жившим в период оккупации Франции на нелегальном положении. Фермеры доставляли зерно сверх «наряда-путевки». Шоферы и грузчики сдавали эту муку знакомым им булочникам и получали от них хлебные талоны, которыми они отчитывались в управлении по распределению муки и хлеба. Эти талоны были месячные, а значит, могли быть пущены в оборот, то есть на них можно было всюду купить хлеб.

После этого «обмена» Угримов передавал матери Марии хлебные карточки, муку, крупу и прочие продукты; иной раз их привозили и на грузовиках самой мельницы.

Часто видели мать Марию и на знаменитом центральном рынке «Чрево Парижа». Она чуть не каждый день вставала ни свет ни заря и ехала туда – там ее уже хорошо знали и бесплатно давали непроданные овощи, картошку, рыбу, иногда и мяса немного, и она это все сама тащила на рю Лурмель, в дом 77, где еще с довоенных времен, с 1938 года, была ею устроена столовая и общежитие движения «Православное дело». Она сама варила обед, сама кормила обездоленных.

«К плоти брата своего у человека должно быть более вни-

материнское отношение, чем к своей собственной плоти, – писала тогда мать Мария, смутно сознавая, что повторяет чужую мысль. Не это ли же самое некогда пытался втолковать девочке Лизе бывший обер-прокурор Синода Победоносцев? – Христианская любовь учит нас давать брату не только дары духовные, но и дары материальные. Мы должны дать ему и нашу последнюю рубашку, и наш последний кусок хлеба. Тут одинаково оправданны и нужны как личное милосердие, так и самая широкая социальная работа. Любовь к человеку требует от нас в этой области одного: аскетического служения его материальным нуждам, внимательной и ответственной работы, трезвого и несентиментального учета и своих сил, и его подлинной пользы».

Дом на рю Лурмель, это прибежище для пропадающих от безденежья, от одиночества на чужбине русских бедолаг, для шатающихся бездомных, получил среди русских эмигрантов прозвище «Шаталова пустаынь».

Посетители здесь появлялись сутки напролет.

Вот умер один шофер, его вдове негде было жить. Она явилась на улицу Лурмель, однако свободной кровати не оказалось. Мать Мария делила с ней свою постель и говорила ночи напролет, успокаивала. Такие бессонные ночи ее не истощали, наоборот, она говорила:

– Мне сейчас удивительно хорошо. Не чувствую себя – большая легкость. Хорошо бы отдать себя совсем, чтобы ничего не осталось. Счастливых людей нет – все несчастные, и

всех жалко. О, как жалко!

Свою неумную энергию она сравнивала с неизменным рублем: сколько ни старайся, всегда получаешь рубль сдачи: «Мир думает – если я отдал свою любовь, то на такое количество любви стал беднее, а уж если я отдал свою душу, то я окончательно разорился, и нечего мне больше спасать. Но законы духовной жизни в этой области прямо противоположны законам материальным. По ним все отданное духовное богатство не только, как неизменный рубль, возвращается дающему, но нарастает и крепнет. Кто дает, тот приобретает, кто нищает, тот богатеет».

С давних лет ей всегда проще было выражать свои мысли не прозой, а стихами. Стихи были верны ей и теперь, венчали те мысли, которые не покидали ее ни днем, ни ночью:

Искала я таинственное племя,
Тех, что среди ночи остаются зрячи,
Что в жизни отменили срок и время,
Умеют радоваться в плаче.

Искала я мечтателей, пророков,
Всегда стоящих у небесных лестниц,
И зрящих знаки недоступных сроков,
Поющих недоступные нам песни.

И находила нищих, буйных, сирых,
Упившихся, унылых, непотребных,

Заблудшихся на всех дорогах мира,
Бездомных, голых и бесхлебных...

К ней часто приходила Нина Кривошеина – жена одного из устроителей и столовой, и Комитета помощи русским эмигрантам (а во время войны главы русского Сопротивления во Франции), Игоря Кривошеина.¹ Впечатления о тех встречах Нина заносила в свои записки.

«Мы садились – она на какое-то старое кресло, а я на табуретку; комната имела неправильную форму, в стене видна была лестница, висели иконы, с потолка на веревках свисали косы лука, сушеные травы, а на столике, напротив монахини, лежали только что высушенные ягоды или овощи – черника, вишни, морковь. Мать Мария считала, что несчастных людей, не нашедших себе места в эмиграции, надо сперва напоить и накормить, дать им чистую одежду и т. д. Эти сушения входили в ее программу: когда уж ничего не было (а это в военное время часто случалось), то она пускала в ход свои сушения, и хоть чем-то, да можно было в столовой накормить когда двадцать, а когда и сорок человек.

Она была всегда оптимисткой, считала, что все обязательно устроится и что нельзя никому отказывать в помощи, кто бы ни пришел. Она отодвигала со лба косынку, так что были видны на пробор причесанные волосы, и закуривала. Курила

¹ Новеллу о судьбе этой пары – «Возвращение в никуда» – можно прочесть в этой книге.

она много, хотя на людях – избегала; то, что она курила при мне, как бы сразу придавало моим визитам в ее комнату простой тон – казалось, что мы знакомы давно и даже близко.

О чем она со мной беседовала? О текущих делах, о войне – все было так тревожно, мы все болели душой за Россию. Заметив, что я все рассматриваю ее сушения, она как-то спросила меня, сушу ли я тоже овощи и ягоды, как она. Я ответила, что не умею, да мне и в голову не приходило... Тогда она подробнейшим образом мне объяснила, как это делается, и прибавила: «Начинайте сразу, увидите, как приятно будет, если зимой сварите сыну кисель или компот». Вот так сидели мы, и вроде ничего особенного или поучительного не было, но она, конечно, знала, что я отношусь к ней с величайшим уважением. Я была у ней в ее каморке раза три-четыре – и вот как-то, пожалуй уж под конец, я сидела и слушала ее – как раз про сушение – и вдруг что-то вроде шока, и я во мгновение ощутила, что со мной говорит святая, удивительно, как это я до сих пор не поняла!.. А вот в памяти от этих минут осталось только ее лицо – лицо молодой женщины, несколько полное, но прекрасный овал, и сияющие сквозь дешевенькие металлические очки, незабываемые глаза».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.